

«Хочу и буду» — возвращаясь к анкете Владимира Высоцкого

ЗА ТО, ЧТО Я НАРУШИЛ ТИШИНУ

14 июня наша газета опубликовала интервью с Владимиром Высоцким «Хочу и буду», датированное 70-м годом. В тот день в редакции то и дело раздавались звонки: «Кто брал интервью, при каких обстоятельствах?», «Как Высоцкий отвечал на эти вопросы, ведь сейчас интересно знать все!»

И вот Анатолий Меньшиков, актер Театра имени Вахтангова, тот самый, кто брал интервью, у нас в гостях. Мы постарались задать ему вопросы читателей. Так получилось еще одно интервью...

— Снадите, как родилась идея вашей «анкеты»? Мы знаем, что не один Высоцкий отвечал на эти вопросы...

— Анкета возникла давно, еще в школе. Есть такая традиция: после окончания десятитого класса все пишут друг другу какие-то пожелания, письма, выпускают стенгазеты — на память. А мои друзья ответили на вопросы анкеты. Со мной пришла она в Театр на Таганке. Многие, узнав, что существует такая анкета, пытались отвечать. Однако, прочтя вопросы, говорили: нет, не буду, надо искренне, а искренне не могу. Другие, наоборот: ну это врать надо. А врать я не хочу... Только те, кто отважился быть откровенным, отвечали. Кроме Высоцкого, это сделали Золотухин, Смехов, Филатов, Хмельницкий, Вилькин... Актеры Театра на Таганке. В то время я был там рабочим сцены...

— Читатели пишут, что им очень дорого все, что связано с Высоцким. Расскажите, как он отвечал на вопросы.

— Его ответы не были скороспелыми, непродуманными — Высоцкий «работал» над анкетой в течение четырех часов. В перерывах между спектаклями — в тот вечер в театре шли «Павшие и живые» и «Антимиры», Высоцкий был занят и в том, и в другом. Я приващил ему анкету — это такая амбарная книга, вопросы подклеены по бокам страниц. Он с любопытством схватил ее: сколько

осталось до начала спектакля, 40 минут? Давай сейчас ответу... Когда я пришел перед началом спектакля и взглянул ему через плечо, Высоцкий ответил всего на два вопроса, да и то на самые простые, в середине, насчет цвета и запаха, что не требовало больших раздумий. Во время спектакля «Павшие и живые», где Высоцкий играл Гитлера, Чаплина и Гудзенко, я подбегал к нему несколько раз, видел его то в солдатской гимнастерке, то в чаплинском костюме. Он каждую свободную минуту писал ответы... Но до конца спектакля ответил только на четыре вопроса.

Между «Павшими...» и «Антимирами» небольшой перерыв, все актеры бегут в буфет перекусить, но Высоцкий ушел в пустую гримерную. Сидел, корчил над анкетой. И всякий раз, когда я заходил, он говорил: «Ну задал ты мне работенку! Сто потов сошло...» Но при этом он лукаво улыбался, и выглядел азартно, если так можно выразиться... Когда я в очередной раз взглянул через его плечо, он сделал замечание: «Через плечо нехорошо заглядывать, это неприлично». — и, как школьник, прикрыл ладошкой то, что написал.

После спектаклей анкета еще не была заполнена. А время — двенадцатый час. Мы уже разобрали декорации. Единственная гримерная, где горел свет, — Володина. Он уже при мне дописал, расписался, поставил число — 28 июня 1970 года, закрыл тетрадь и сказал, что у него такое ощущение, будто он отыграл десять спектаклей.

Я обрадовался, что Высоцкий до такой степени «выложился». Прибежал домой и, несмотря на позднюю ночь, включил свет, стал читать. И честно скажу: разочаровался, жутко разочаровался! Мне показалось, что ответы какие-то уж очень упрощенные. Ведь Высоцкий уже в то время был человеком, которого мы боготворили

и ходили за ним, как котятка ходят за своей матерью, и вдруг этот Высоцкий отвечает банально: «Кувиджи, «Лунный свет». Или: «Роден, «Мыслитель». Я думал, он напишет: Годар, Феллини — из режиссеров. Он ничего этого не написал, хотя прекрасно их знал, смотрел и восхищался...

Высоцкий на другой день чуть ловил мое разочарование: «Ну-ка открой. Что тебе не нравится?» Я сказал откровенно: «Любимая песня — «Вставай, страна огромная». Конечно, это патриотическая песня, но...»

Он вдруг с какой-то тоской и досадой поглядел на меня, положил руку на плечо и сказал: «Щенок. Когда у тебя мурашки по коже побегут от этой песни, тогда ты поймешь, что я прав. И почему я ее люблю...»

Прошло время — и я понял, что он был прав. И что он отвечал искренне. Не боялся быть самим собой, не пужал, подобно многим из нас, называя имена новомодных кумиров. А ведь «Лунный свет» и «Мыслитель» каждого потрясают. И песни войны тоже. Может быть, потом приходят другие художники, заставляющие думать, но это потом. Высоцкий не мог отказаться, изменить своим первым ощущениям. То, что его однажды потрясло, — оставалось в нем навсегда.

И когда я, уже не работая в этом театре, в 1978 году принес Владимиру вновь его анкету, он, внимательно перечитав ее, с удивлением сказал: «Ну надо же, и добавить нечего. Неужели я так консервировался?» Правда, со времени заполнения анкеты прошло всего 8 лет, срок небольшой, но для Высоцкого — значительный. Ведь у него время было концентрированное, чем у многих: он за день делал то, что другим за год не удается...

— Не могли бы вы прокомментировать некоторые из ответов Высоцкого?

— Считаю, что комментарии даже необходимы. Дело в

том, что после смерти Высоцкого его анкета пошла гулять по свету, бесчисленное число раз перепечатанная и переписанная от руки. К сожалению, в нее закралось много ошибок. Вот и в вашей газете в ответе на вопрос «Любимые черты в характере человека» ошибка: «Одержимость, отдача (не только на добрые дела)». А Высоцкий ответил: «Но только на добрые дела». Существенная разница, не правда ли?

На вопрос: «Что тебя в последний раз огорчило?» Высоцкий ответил: «Всё». Вот это «всё» нуждается в комментариях. Семидесятый год был, наверное, наиболее суровым для Высоцкого — именно на это время приходится пик неприятя его. Теми, кто тогда «руководил» культурой. Он записал в «Мелодии» большое количество песен, но вопрос о выпуске диска-гиганта все оттягивался... Кстати, сейчас известен общий тираж пластинок Высоцкого: 200 миллионов экземпляров! Практически на каждого человека — по пластинке! Но это сейчас. А тогда ему запрещали выступать, причем запрещали унизительно. Он, например, выезжал в отдаленный район — тогда у него еще не было машины, ехал на автобусах, на перекладных — и сталкивался с объективом: концерт отменяется в связи с болезнью артиста Высоцкого. Таких отмен было очень много. Поэтому он так выдохнул это слово: «Всё!»

И все-таки он писал:

Я бодрствую.

И вещей сон мне

не уставать глотать

мне горькую слюну:

Мне объявили явную

войну

Организации, инстанции

и лица,

За то, что я нарушил

тишину,

За то, что я хриплю

на всю страну,

Чтоб доназвать — я в носесе

не спица...

И на вопрос анкеты, хочешь ли быть великим, так уверенно отвечал: «Хочу и буду!»

...На недавнем вечере Михаила Александровича Ульянова в Киеве (я принимал там участие) пришла записка: «Как вы считаете, стал Высоцкий великим?» Ульянов ответил: «Конечно, стал. Может быть, не таким — он перечислил ряд гениальнейших фамилий всех времен и народов, — но таким, как Рагин, Цугачев. Взбаламутил всю страну, весь народ...»

— Анатолий Сергеевич, расскажите немного о своей жизни, о своей работе в Театре на Таганке.

— В 1967 году я окончил школу. 15 октября один мой приятель из театральной студии, где я занимался, пригласил посмотреть «Послушайте!» на Таганке. Я любил и люблю Маяковского. Мы перелезли через забор, прошли по крыше, пробрались через чердак, через какие-то масляные тросы... Пролезли на рабочую галерку — из уголочка сцены я и смотрел спектакль, который меня потряс. Я понял — это и есть настоящий театр, потому что он заставляет плакать, смеяться, удивляться, восхищаться. Я не спал всю ночь, и через день был зачислен в Театр на Таганке рабочим сцены.

1 ноября я познакомился с Высоцким у кассы, где выдают деньги. Мы получали тогда почти одинаковую зарплату: я — 62 рубля 50 копеек в месяц и актер Высоцкий — 85 рублей... Вот так тогда мы жили. Хорошо жили...

День рождения каждого из нас, без чинов, отмечали всем театром. Исполнилось в 1968 году Володе 30 лет — всего 30 лет, господи... В театре был издан приказ: ведущему артисту театра — 30 лет, и мы собрались все вместе, поздравляли, Володя много пел... Там тогда была настоящая семья, а средний возраст актера был 24 года, и все мы были на «ты». Тогда казалось: подумается, кто-то старше меня на пять лет. Это просто ему не повезло...

26 ИЮНЬ 1981

СВЕТОЛА РОББИ
г. Москва